

Научная статья
УДК 82-3
DOI: 10.20323/2499-9679-2024-4-39-50
EDN: WICBМК

**«Итак, звалась она Татьяной...»: к пушкинским аллюзиям в романе В. О. Пелевина
«Тайные виды на гору Фудзи»**

Татьяна Александровна Семенова

Старший преподаватель кафедры философии, истории, иностранных языков, Пензенский аграрный университет. 440014, г. Пенза, ул. Ботаническая, д. 30
semenova.t.a@pgau.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1433-3098>

Аннотация. Статья посвящена пушкинским рецепциям в романе В. О. Пелевина «Тайные виды на гору Фудзи». В работе обнажается функциональная природа обращения к аллюзиям в постмодернистском современном произведении на примере романа В. Пелевина. Выдвигается и доказывается (посредством использования компаративистского и интертекстуального методов анализа) гипотеза, что Пелевин в образной ткани своего произведения опирался на прецедентный текст А. С. Пушкина «Евгений Онегин», который он переосмысливает в ходе конструирования собственного сюжета и художественной системы. Одним из главных доказательств, подтверждающих данное утверждение, является ономастический код романа: имя главной героини отсылает к пушкинской Татьяне Лариной.

Интертекстуальность выступает в роли инструмента, использованного автором для создания амбивалентного образа, с одной стороны, воплощающего женский архетип, а с другой – наделенного чертами гротескной стилизации. Этой же цели подчинен и ризоматично организованный нарратив, вовлекающий читателя в постмодернистскую игру посредством отсылки к известнейшему классическому произведению. Интертекст как прием в романе выступает связующим звеном, обеспечивая диалог между разными литературными эпохами, писательскими стратегиями и художественными установками.

В итоге доказывается, что В. Пелевин встраивает в роман пушкинский код методом ложных отсылок, которые дают эффект «кривого зеркала». Пушкинская и пелевинская Татьяны, при внешней непохожести, на текстовом уровне обнаруживают генетическую и типологическую близость, что подтверждается анализом нарративной конструкции, композиции, поэтики пелевинского текста. Исследование специфики взаимодействия персонажей и их цитатная характеристика наглядно продемонстрировали аллюзивную природу как главных героев, так и романа В. Пелевина в целом. Об этом также свидетельствуют и инициатический, танатологический, мистический и онейрический мотивы, перекликающиеся с аналогичными мотивами в романе в стихах А. С. Пушкина.

Ключевые слова: современная русская литература; интертекстуальность; аллюзия; постмодернизм; проза В. Пелевина; Евгений Онегин; две Татьяны; система образов

Для цитирования: Семенова Т. А. «Итак, звалась она Татьяной...»: к пушкинским аллюзиям в романе В. О. Пелевина «Тайные виды на гору Фудзи» // Верхневолжский филологический вестник. 2024. № 4 (39). С. 50–57. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-4-39-50>. <https://elibrary.ru/WICBМК>

Original article

**«So, she was called Tatiana...»: on Pushkin allusions in V. O. Pelevin's novel
Secret Views of Mount Fuji**

Tatiana A. Semenova

Senior lecturer, department of philosophy, history and foreign languages, Penza state agrarian university. 440014, Penza, Botanicheskaya str., 30
semenova.t.a@pgau.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1433-3098>

Abstract. The article is devoted to Pushkin receptions in V. O. Pelevin's novel Secret Views of Mount Fuji. The paper reveals the functional nature of allusions in the postmodern contemporary work based on the example of V. Pelevin's novel. Using comparativist and intertextual methods of analysis, the author of the article puts forward and proves the hypothesis that in his work, Pelevin relied on A. S. Pushkin's precedent text «Eugene Onegin», which he

reinterprets in the course of constructing his own plot and artistic system. One of the main proofs supporting this claim is the novel's onomastic code: the main heroine's name refers to Pushkin's Tatiana Larina.

Intertextuality acts as the writer's tool to create an ambivalent image, embodying the female archetype on the one hand, and, on the other hand, characterized by grotesque stylization. The rhizomatically organized narrative, which engages the reader in a postmodern game through a reference to the best-known classical work, serves the same purpose. The intertext technique acts as a link in the novel, providing a dialogue between different literary epochs, writing strategies and literary approaches.

In conclusion, the author proves that V. Pelevin inserts Pushkin's code into the novel through false references, producing a «curved mirror» effect. Pushkin's and Pelevin's Tatanas, despite their physical dissimilarity, are genetically and typologically similar at the textual level, which is confirmed by analyzing the narrative structure, composition, and poetics of Pelevin's text. The study of the characters' specific interaction and their quotation characteristics clearly demonstrate the allusive nature of both the main characters and V. Pelevin's novel as a whole. This is also evident in the initiatic, thanatological, mystical and oneiric motifs, which correspond to similar motifs in Pushkin's poetic novel.

Key words: modern russian literature; intertextuality; allusion; postmodernism; V. Pelevin's prose; Eugene Onegin; two Tatanas; system of images

For citation: Semyonova T. A. «So, she was called Tatiana...»: on Pushkin allusions in V. O. Pelevin's novel Secret Views of Mount Fuji. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2024;(4):50–57. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-4-39-50>. <https://elibrary.ru/WICBMK>

Введение

Интертекстуальность пелевинских произведений в целом становится предметом размышлений ряда литературоведов (Ю. Л. Высочинной, К. Ф. Герейхановой, И. В. Чиндина, Ю. А. Гимрановой, Ин Юе, А. Н. Безрукова и др.). Несмотря на то, что вопрос функциональной природы реминисценций на творчество А. С. Пушкина в пелевинском корпусе художественных текстов уже поднимался ранее (к примеру, А. П. Марьюшкиной, А. С. Смирновым, О. В. Богдановой и др., на чьи работы мы ссылаемся), сопоставление главных женских персонажей в романе в стихах «Евгений Онегин» (1833) и романе «Тайные виды на гору Фудзи» (2018) ранее не осуществлялось. Более того, произведение А. С. Пушкина спустя почти 200 лет вызывает потребность в осмыслении и разнотолки [Розин, 2022], что обуславливает новизну исследования.

Исследователи обращаются к более широкой панораме, сравнивая авторский стиль В. Пелевина и межвременной диалог в контексте его творчества в целом, в то время как точечное сравнение персонажей посредством интертекстуального и компаративного методов анализа художественных текстов также позволяет не только обнажить глубокие смыслы конкретного постмодернистского произведения, но и пролить свет на особенности авторской методологии.

Частично в работе продолжено рассуждение Е. В. Шерчаловой о «женском» и «мужском» в романе В. Пелевина. Филолог, исследуя топографическую организацию романа, указывает на разграничение «женского» (закрытое, обладает границами, доминирующий персонаж женского

пола) и «мужского» (открытое, границы размыты или отсутствуют, доминирует мужчина) типов пространств [Шерчалова, 2021, с. 282]. Литературовед также указывает, что такое деление отражается и на уровне организации глав: отрывкам, где в роли рассказчика выступает Татьяна, соответствует четный номер главы, причем в названии (глава 2–4) указано наименование феминистической организации, последовательницей которой становится героиня (см.: Глава 2.2. LAS NUEVAS CAZADORAS. ЖИЗЕЛЬ; Глава 3.2. LAS NUEVAS CAZADORAS. КЛАРИССА; Глава 4.2. LAS NUEVAS CAZADORAS. ЗГЫБИН); в то время как нечетные главы «отданы» Федору [Шерчалова, 2021, с. 278].

Прежде чем переходить к описанию исследования и результатам, кратко остановимся на терминологической рамке. Ключевым понятием работы является интертекст – термин, предложенный Ю. Кристевой в 1967 году для обозначения диалогичного взаимодействия текстов и явных или скрытых отсылок. Диалог и указание на другое произведение становится инструментом порождения нового смысла с целью осмыслить чужой опыт и встроить свое произведение в единое коммуникативное пространство [Давыдова, 2007, с. 157–162]. Художественное произведение, таким образом, становится «местом единовременного существования культурных слоев» [Ямпольский, 1993, с. 17].

Как будет показано далее, при последовательном сопоставлении характеров героинь, эпизодов и сюжета пелевинского и пушкинского романов у них крайне мало общего, однако сама структура построена на отсылке к произведению классика XVIII века, то есть в основе «скелета» пост-

модернистского романа лежит интертекстема.

Основная часть

Творчество В. Пелевина ориентировано на два крупных аудиторных кластера, интересы и литературные вкусы которых принципиально различаются, а именно читателя массового, ожидающего от литературы подобия кинематографа – зрелищности, персонажной полифонии, перипетий и пр., и читателя интеллектуального, ожидающего от художественного произведения смысла и мимесиса. И хотя постмодернистская эстетика далека от подражания действительности, пелевинский текст тесно связан как с литературной традицией, так и с актуальным контекстом (культурным, политическим, идеологическим и пр.).

Пелевин активно использует интертекст, что насыщает историю узнаваемыми культурными кодами, знаками, позаимствованными из массовой культуры и, с одной стороны, формирует историю, а с другой – подчеркивает фрагментарность повествования. Текст представляет собой не цельное произведение, единую авторскую мысль, а мозаику, через разрозненные аспекты которой эта мысль транслируется.

Классическая литература становится источником сюжетных решений и архетипов, которые В. Пелевин осмысляет в постмодернистском дискурсе. При этом реальность деконструируется, подменяется симулякром, разрушается связь между означаемым и означающим, что характерно не только для Пелевина, но и для современной литературы, обращающейся к диалогу с классикой. Следы пушкинского кода, в частности, обнаруживаются в творчестве современных писателей, не обязательно постмодернистов (Д. Стахова, Н. Силюнской и мн. др.) [Черняк, 2009, с. 124]. Диалог с классической литературой на поле современных литературных произведений носит игровой, вольный характер – «игра в классику», как удачно заметила М. А. Черняк, позволяет раскрыть корифеев русской словесности с другой, более личной, эмоциональной стороны [Черняк, 2009, с. 139].

Итак, обратимся к текстам художественных произведений и сопоставим описание героини Пушкина и Пелевина.

Татьяну, особенно в начале произведения (о финальных трансформациях персонажей скажем позднее) нельзя было назвать красавицей – читаем у А. Пушкина: «Ни красотой сестры своей, / Ни свежестью ее румяной / Не привлекла б она очей. / Дика, печальна, молчалива, / Как лань лесная, боязлива...» [Пушкин, 1978, с. 33]. В схожих определениях рисует Онегин девушку после зна-

комства с ее письмом: «И вспомнил он Татьяны милой / И бледный цвет, и вид унылый» (курсив автора статьи) [Пушкин, 1978, с. 59].

Героиня же пелевинского произведения отличается привлекательностью с малых лет: «Таня догадалась, что она красавица, уже к третьему классу школы...» [Пелевин, 2020, с. 23], что роднит ее образ, особенно в начале романа, с Лолитой («Лолита», В. Набоков, 1955), Оленькой Мещерской («Легкое дыхание», И. Бунин, 1916) и пр.: «...в самые свои растрепанные и перепачканные минуты Таня нередко ловила на себе чужие глаза, полные памятного по дяде Герасиму кроличьего блеска, от которого так сладко и жутко делалось на душе...» [Пелевин, 2020, с. 25]. В последствии Таня называет неуловимую привлекательность «мерцанием» [Пелевин, 2020, с. 47].

В целом, мотив красоты – сквозной для творчества В. Пелевина [Семенова, 2023]. В романе «Тайные виды на гору Фудзи» главная героиня рассуждает о духовной и физической красоте, обозначая себя в финансовом эквиваленте: «...она, Таня, сама по себе была пятаком или червонцем. У нее не было никакого фиксированного номинала вообще <...> ...к монете „Таня“ проявляли устойчивый интерес» [Пелевин, 2020, с. 26]. Девушка ставит однозначный знак неравенства между «внутренним» и «внешним» содержанием: «Будь это иначе, на месте косметических кабинетов открывали бы салоны духа. А вот красоту внешнюю брали везде и сразу» [Пелевин, 2020, с. 25].

Физическая привлекательность в пелевинских сюжетах становится конверсивной, будучи «разменной монетой» на рынке социальных взаимодействий, что мы также видим и в анализируемом романе. При этом рассуждения постмодерниста о природе красоты неразрывно связаны с потреблением, то есть красота – это ограниченный ресурс, которому есть определенное применение в современном (и не только) мире.

Пелевин подробно останавливается на возрастных изменениях внешности, поданные сквозь гиперболизированную призму мужского взгляда. По словам Федора, главного героя романа: «...была в школе такой красивой девчонкой, а стала натуральной ватрушкой...» [Пелевин, 2020, с. 202]. Мужчина словно продолжает рассуждения девушки о красоте, вновь обращаясь только к внешней, физической привлекательности.

Характер Тани отличен от пушкинской героини: пелевинская героиня активно старается приспособиться к обстоятельствам и занять свое место. Мотивный анализ показывает, что Таня дея-

тельный персонаж, в то время как Федор, главный герой и ее возлюбленный, больше тяготеет к рассуждениям [Шерчалова, 2021, с. 278]. Таня контактирует с большим количеством персонажей, нежели Федор, используя при этом больше ролевых моделей. В. Пелевин дает больше свободы своей героине, чем А. Пушкин.

Согласно лингвистическому исследованию корпуса произведений А. Пушкина, проведенный онлайн-журналом «Системный Блок», мужчины более активны и деятельны, в то время как героини «чаще всего кого-то ждут, что-то знают, кого-то любят и о чем-то плачут», а также отличаются слабостью и эмоциональностью [Ермакова].

Увлечения у девушек тоже разные: пушкинская Таня «живет в мире литературы» [Лотман, 2020, с. 55], чего нельзя сказать о героине Пелевина, которую мы скорее отнесем к массовому потребителю, а не интеллектуальной элите. Девушка читает модные журналы, старается следовать советам популярных психологов, которые рассуждают, очевидно, на тему неравных отношений между мужчиной и женщиной и о способах, которыми прекрасная половина человечества может привязать к себе мужа.

Значимым в композиции произведений становится мотив сна и сопутствующие эпизоды, наполненные символизмом и мистицизмом: в пятой главе «Евгения Онегина» приводится описание вещего сна Татьяны, который она видит в ночь во время святок, а во втором параграфе части II «LAS NUEVAS CAZADORAS. ЖИЗЕЛЬ» рассказывается о мистическом сне Аманды, который снится Тане.

Сон пушкинской Татьяны исследователи связывают с анимистическими представлениями (важная роль отводится образу хозяина леса – медведю [Баркова, 2022, с. 31]) и предвидением будущих событий романа [Чумаков, 1999, с. 47–48; Пимонов, 2023]. Сон Аманды ближе к тотемизму, но и в нем, впрочем, звучит пророческая мысль: «Таня поняла, что это был сон о будущем» [Пелевин, 2020, с. 187].

«Зачин» сна тоже схож: Татьяна гадает на святки, пелевинская же героиня принимает специальное средство, чтобы увидеть некий необыкновенный сон, что также можно трактовать мистически – то есть сон снится не случайно, требуется особая подготовка. Галлюциногенные препараты неоднократно становятся катализатором в художественном мире постмодерниста [Сютин, 2022, с. 65] и выполняют роль проводника, канала, соединяющего реальность и иной мир [Исянь, 2021, с. 70].

И вновь: во сне пелевинская Таня доминирует в пространстве, а пушкинская Татьяна – пассивна («...силится бежать...хочет закричать: не может» [Пушкин, 1978, с. 80]) и не может противиться воле демонического Онегина. С обоими эпизодами связан инициативный мотив, восходящий к танатологическому – трансформация через символическую смерть [Ляшенко, 2023, с. 28; Сильчева, Шерчалова, 2022, с. 3176].

Можно провести параллель между эпизодом сна Татьяны не только с фрагментом изучаемого в работе романа: этимологически близким оказывается и сон Степы (главный герой романа «Числа», 2003) (сопоставление эпизодов проведено А. С. Смирновым [Смирнов, 2021]).

Напрашивается также сравнение эпизода с балладой «Светлана» (1813), жанровая специфика которой изначально подразумевает обращение к фольклорным истокам, в частности, обычаям и святочным ритуалам, что мы и видим в произведении В. Жуковского. «Балладный» код в прозе Пелевина мы не обнаружили, однако отметим, что постмодернист часто черпает и вдохновение в целом, и сюжетные решения, знаковые архетипические образы, топографическую организацию и прочее из фольклора и мифологии.

Но если у Жуковского мотив сна становится мотивацией фантастических ситуаций, оказывающихся в финале «небылицей», и играет смыслоформирующую роль, а в «Евгении Онегине» сон инспирирован гаданием – оба эпизода трактуются и воспринимаются читателем гомогенно, то для сна пелевинской Тани отводится менее значимая роль. К тому же вопрос интерпретации крайне важен: это было нечто хаотичное, бред, порожденный воздействиями наркотического средства, или высшее откровение?

Эпизод гадания широко распространен в русской литературе: к нему обращаются и писатели-классики – Л. Н. Толстой в «Войне и мире», и А. А. Ахматова в «Поэме без героя», и современные отечественные и зарубежные авторы (М. Павич, И. Кальвино, С. Кларк, Дж. Харрис, М. Фрай, Д. Рубина и мн. др.), так что достоверно определить первоисточник не представляется возможным. Впрочем, мы не ставим перед собой задачу определить претексты выявленных интертекстов, интерес представляет сопоставление, однако тема кажется нам перспективной для дальнейшего изучения.

Итак, далее. У героинь А. С. Пушкина и В. О. Пелевина есть и очевидно общая обίδα:

«Что было следствием свиданья? / Увы, не трудно угадать! / Любви безумные страданья / Не

перестали волновать / Младой души, печали жадной; / Нет, пуще страстью безотрадной / Татьяна бедная горит; / Ее постели сон бежит; / Здоровье, жизни цвет и сладость, / Улыбка, девственный покой, / Пропало всё, что звук пустой» [Пушкин, 1978, с. 63].

И читаем у Пелевина: после второй встречи с Федором возле бани [*первая встреча состоялась в годы их молодости, вторая – призвана ее реконструировать. – прим. Т. А.*], чувствуя себя оскорбленной, Таня, «...босая, заплаканная...» [Пелевин, 2020, с. 156] не желает больше встречаться с обидчиком, отправляется пешком в лес – мистическое, лиминарное пространство, выступающее в качестве границы между мирами [Сильчева, Шерчалова, 2022, с. 3176]. Однако после возвращения в Москву Таня демонстрирует волевой характер: Пелевин акцентирует внимание на её перерождении, деятельностном, а не пассивном способе справиться с эмоциями.

Эти эпизоды становятся переломными моментами в сюжете: пушкинская героиня выходит замуж, пелевинская – становится адептом феминистической структуры «Новые охотницы» [*как они себя называют сами – прим. Т.А.*] и приобретает сверхъестественные силы, что в целом соответствует жанрам и духу произведений.

Образы героинь в финале произведений отличаются от их первоначальных. Пушкин описывает спокойную статность и уверенность Татьяны: «Никто б не мог ее прекрасной / Назвать; но с головы до ног / Никто бы в ней найти не мог / Того, что модой самовластной / В высоком лондонском кругу / Зовется vulgar... <...> Но и следов Татьяны прежней / Не мог Онегин обрести <...> равнодушно княгиней, / Но неприступною богиней / Роскошной, царственной Невы» [Пушкин, 1978, с. 132, 136]. Героиня управляет своими эмоциями, никак не показывая отношения к Онегину («...ей ничто не изменило: / В ней сохранился тот же тон, / Был так же тих ее поклон» [Пушкин, 1978, с. 133]), и наконец становится доминирующим в пространстве персонажем: «К ней дамы подвигались ближе; / Старушки улыбались ей; / Мужчины кланялись ниже, / Ловили взор ее очей» [Пушкин, 1978, с. 132].

В эпилоге «Тайных видов на гору Фудзи» главами медитирующего монаха мы видим, чем занимаются московские олигархи. Федор оказывается в компании Тани, которая, по описанию саядо Ана: «...была непреклонна и холодна <...> У нее был недовольный вид...» [Пелевин, 2020, с. 406, 408]. Вспомним также финал четвертой части романа: третья встреча героев возле бани в

лесу завершается однозначной победой Татьяны над Федором. Примечательно, что встречу героиня про себя называет «стрелкой», что отражает ее воинственный, а не романтический настрой.

Обзорное сравнение и цитатная характеристика героинь показывает, что в действительности при более детальном рассмотрении у них мало общего. Такой вывод соответствует характеру постмодернистских реминисценций и ложных отсылок. Постмодернистский интертекст зачастую разрывает связь между означаемым и означаемым, форма преобладает над содержанием [Пигулевский, 2002] или не имеет содержания вовсе.

Открытым остается вопрос о соотношении двух Татьян: можно ли назвать пелевинскую героиню переосмыслением классического, пушкинского образа и на этом основании говорить об интертекстуальном диалоге? Очевидно, что пушкинский текст послужил референсом для В. Пелевина, и разительный контраст между героинями, их противопоставление – не случайность, а инструмент повествования. Реминисценции и обращение к пушкинскому коду литературоведы обнаруживают и в романах «Священная книга оборотня» (2004), «Т» (2009), «Любовь к трем цукербринам» (2014), и в рассказах (к примеру, в «Мардонгах» (1991)) – как на уровнях поэтики, сюжета, проблематики, так и на языковом уровне [Марьюшкина, 2023].

К положительному ответу на наш вопрос подталкивает и зеркально отраженный, диаметральный сюжет: в финале «Евгения Онегина» Татьяна, соблюдая высокие моральные принципы, отказывает Евгению, несмотря на ответное чувство, в то время как пелевинская героиня, как мы уже упомянули ранее, празднует победу.

Параллель с пушкинской героиней исследователи обнаруживают и в романе «Числа», о чем мы бегло упоминали в работе. Интересно, что и Степана, и главную героиню «Тайных видов на гору Фудзи» называют «Танёк», что представляет собой автоаллюзию, позволяющую дать емкую (для почитателя творчества постмодерниста) характеристику обоим персонажам. Интертекстуальность и аллюзивность, «переосмысление» классических узнаваемых сюжетов и образов, является одной из стилиформирующих черт художественного мира В. Пелевина [Любарский, 2022], позволяющей передать пласт смыслов посредством обращения к национальной памяти.

Интертекстуальные связи внутри корпуса художественных произведений одного автора – не оригинальная черта ни творчества В. Пелевина,

ни постмодернизма в целом. К примеру, Л. Г. Кихней и А. В. Ламзина [Кихней, Ламзина, 2021; Ламзина, 2020] рассматривают особенности автоаллюзий в творчестве акмеистов. Однако в постмодернизме диалогичные связи внутри корпуса текстов одного автора выступают в качестве ризоматичной структуры нарратива и становятся циклообразующей скрепой, трансформирующей корпус произведений в сверхтекст [Тулусева, 2023].

Федора также можно сопоставить с главным героем пушкинского произведения, Онегиным. Их роднит хандра, для борьбы с которой они ищут источник сильных эмоциональных потрясений: для Федора таким инструментом становится эмо-пантограф и предложения Дамиана Улитина [по сюжету глава стартапа «Фуджи И» – прим. Т. А.], Евгений же старается найти себе занятие, в чем не преуспевает. При этом сюжетная линия, совпадая в любовном аспекте, не дублирует социальный тип пушкинских героев: если Онегин «...ничем заняться не умел» [Пушкин, 1978, с. 131], то Федор прочно занимает положение в обществе.

Однако в финале подчеркивается его слабость: «...издал какой-то влажный хлюп и повесил трубку... <...> ... со спины было видно, до чего он похудел и осунулся – как бы превратился из наглого восклицательного знака в смиренный вопросительный. И лысина его тоже казалась теперь бледнее. В ней даже появилось что-то восковое. <...> ...робко улыбнулся...протянул к ней бледную худую руку» (курсив автора статьи) [Пелевина, 2020, с. 402–404].

Подчеркнем, что мягкотелость героя обусловлена, во-первых, с точки зрения сюжета, его жизненными обстоятельствами, лишь косвенно связанными с Таней, а во-вторых, композиционно, описание представлено в «женской», четной главе, то есть мы «видим» Федора субъективно, глазами ненадежного рассказчика – Тани, которая торжествует победу. Субъективизм является одной из ключевых характеристик творчества В. Пелевина в целом [Пугачева, Янушквичене, 2022, с. 135; Шамс, 2021, с. 53].

В восьмой главе Онегин, встретив Татьяну в Петербурге, поражен произошедшими с ней изменениями. А. Пушкин описывает смятение в душе героя: «Домой задумчив едет он; / Мечтой то грустной, то прелестной / Его встревожен поздний сон... Что с ним? в каком он странном сне! / Что шевельнулось в глубине / Души холодной и ленивой? / Досада? суетность? иль вновь / Забота юности – любовь?» [Пушкин, 1978, с. 134].

И – после того, как Татьяна прочитала письмо: «В тоске безумных сожалений / К ее ногам упал Евгений...» [Пушкин, 1978, с. 143]. И Онегин, и Федор, так же, как и обе Татьяны, претерпевают изменения [Пимонов, 2022].

Заключение

Представленный анализ и сопоставление женских (бегло – мужских) образов позволяет понять художественный метод В. Пелевина и обозначить специфику построения персонажной типологии постмодернистского текста. В романе «Тайные виды на гору Фудзи» можно обнаружить реминисценции не только к творчеству А.С. Пушкина, а отсылки к биографии и литературному наследию А. С. Пушкина – не только в анализируемом романе. Для постмодернизма в целом и работ В. Пелевина в частности характерен интертекстуальный вневременной диалог, переосмысление сюжетов, образов и мотивов, что представляет собой неиссякаемое поле для филологических изысканий.

Библиографический список

1. Баркова А. Л. Славянские мифы. От Велеса и Мокоши до птицы Сирин и Ивана Купалы. Москва : Манн, Иванов и Фербер, 2022. 248 с.
2. Ермакова В. Толстой и Пушкин – сексисты? Корпусное исследование русской классики / В. Ермакова, Н. Сидоренко, А. Ишметова, О. Лапа, И. Кадацкая. 2021. URL: <https://sysblok.ru/philology/tolstoj-i-pushkin-seksisty-korpusnoe-issledovanie-russkoj-klassiki/> (дата обращения: 23.08.2024)
3. Давыдова Т. Т. Современный литературный процесс в России: учебное пособие / Т. Т. Давыдова, И. К. Сушилина // Вестник Московского университета. Серия 9 : Филология. № 6. Москва : Издательство МГУП, 2007. 362 с.
4. Исянь Чж. Даосизм как константа в творчестве В. Пелевина // Мир русского слова. 2021. № 2. С. 68–73.
5. Кихней Л. Г. Эпитафические посвящения Гумилеву собратьев по акмеистическому цеху: игра явных и тайных смыслов / Л. Г. Кихней, А. В. Ламзина // Научный диалог. 2021. № 12. С. 256–271.
6. Ламзина А. В. Перевод Н. С. Гумилевым сонетов У. Шекспира: дешифровка биографических подтекстов // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2020. № 3 (66). С. 235–241.
7. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII–начало XIX века). Москва : АСТ, 2020. 640 с.
8. Любачарский Р. В. Концепции Карлоса Кастанеды в романе Виктора Пелевина «Тайные виды на гору Фудзи» // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2022. № 3 (76). С. 92–103.
9. Ляшенко Т. М. Архетипические черты образов Ольги и Татьяны в романе в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин» // Филология: научные исследования

ния. 2023. № 3. С. 25–33.

10. Марьюшкина А. П. «Пушкинский код» в романной прозе В. Пелевина // Пушкинские чтения–2023. Художественные стратегии классической и новой словесности: жанр, автор, текст. Материалы XXVIII Международ. науч. конф. / под ред. проф. Т. В. Мальцевой. Санкт-Петербург: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2023. С. 67–72.

11. Пелевин В. О. Тайные виды на гору Фудзи. Москва: Эксмо, 2020. 416 с.

12. Пигулевский В. О. Иронические изобретения постмодерна // Ирония и вымысел: от романтизма к постмодернизму. Ростов-на-Дону: Изд-во «Фолиант», 2002. 418 с.

13. Пимонов В. И. Сон Татьяны как предвестие смерти Онегина // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2023. Т. 25. № 2 (89). С. 86–91.

14. Пимонов В. И. Что случилось с Онегиным? Поэтика финала пушкинского романа // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2022. № 85. Т. 24. С. 78–83.

15. Пугачева Я. В. Стилиевые доминанты индивидуально-авторского дискурса В. Пелевина (на материале романа «Т») / Я. В. Пугачева, О. Л. Янушкявичене // Вестник челябинского государственного университета. 2022. № 3(461) С. 131–137.

16. Пушкин А. С. Евгений Онегин. Стихотворения. Москва: Правда, 1978. 224 с.

17. Розин В. М. «Евгений Онегин»: три способа прочтения и осмысления – от науки, психологии личности, философии искусства // Культура и искусство. 2022. № 6. С. 34–46.

18. Семенова Т. А. Мотив красоты в творчестве В. О. Пелевина: диалог с Ф. М. Достоевским // Россия в мире: проблемы и перспективы развития международного сотрудничества в гуманитарной и социальной сфере: материалы XVI Международной научно-практической конференции (Москва – Пенза, 15–16 ноября 2023 г.). С. 54–64.

19. Сильчева А. Г. Мифологический топос в романах В. Пелевина / А. Г. Сильчева, Е. В. Шерчалова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. № 10 (36). Т. 15. С. 3174–3178.

20. Смирнов А. С. «Пушкинский («Татьянин») текст» в романе В. О. Пелевина «Числа» // Норма и отклонение в литературе, языке и культуре: коллективная монография. Гродно: ЮрСаПринт, 2021. С. 284–294.

21. Сяотин Чж. Виктор Пелевин и восточный постмодернизм // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. № 45(1). 2022. С. 58–69.

22. Тулушева Е. С. Реверсивный нарратив выхода из материального мира в романах В. Пелевина «Священная книга оборотня» И «Непобедимое солнце» // Россия в мире: проблемы и перспективы развития международного сотрудничества в гуманитарной и со-

циальной сфере: материалы XVI Международной научно-практической конференции (Москва – Пенза, 15–16 ноября 2023 г.). С. 70–79.

23. Черняк М. А. Классика в кривом зеркале массовой литературы. К вопросу о тенденциях российской словесности XXI века // StudSlavistici. 2009. № 6 (1). С. 123–140.

24. Чумаков Ю. Н. «Евгений Онегин» А.С. Пушкина. В мире стихотворного романа. В помощь преподавателям, старшеклассникам и абитуриентам. Москва: Изд-во МГУ, 1999. 128 с.

25. Шамс А. Дуализм художественного пространства романа Виктора Пелевина «Generation „П”» // Вестник ЧГПК им И. Я. Яковлева. 2021. № 4 (113). С. 48–55.

26. Шерчалова Е. В. «Мужское» и «женское» пространства в романе «Тайные виды на гору Фудзи» В. О. Пелевина // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». 2021. № 3 (70). С. 276–284.

27. Ямпольский М. Б. Память Тиресия. Интертекстуальность и кинематограф. Москва: РИК «Культура», 1993. 464 с.

Reference list

1. Barkova A. L. Slavjanskije mify. Ot Velesa i Mokoshi do pticy Sirin i Ivana Kupaly = Slavic Myths. From Veles and Mokosha to the bird Sirin and Ivan Kupala. Moskva: Mann, Ivanov i Ferber, 2022. 248 s.

2. Ermakova V. Tolstoj i Pushkin – seksisty? Korpusnoe issledovanie russkoj klassiki = Are Tolstoy and Pushkin sexist? A corpus study of Russian classics / V. Ermakova, N. Sidorenko, A. Ishmetova, O. Lapa, I. Kadackaja. 2021. URL: <https://sysblok.ru/philology/tolstoj-i-pushkin-seksisty-korpusnoe-issledovanie-russkoj-klassiki/> (data obrashhenija: 23.08.2024)

3. Davydova T. T. Sovremennij literaturnyj process v Rossii = Modern literary process in Russia: uchebnoe posobie / T. T. Davydova, I. K. Sushilina // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 9: Filologija. № 6. Moskva: Izdatel'stvo MGUP, 2007. 362 s.

4. Isjan' Chzh. Daosizm kak konstanta v tvorcestve V. Pelevina = Taoism as a constant in V. Pelevin's work // Mir russkogo slova. 2021. № 2. S. 68–73.

5. Kihnej L. G. Jepitaficheskie posvjashhenija Gumilevu sobrat'ev po akmeisticheskomu cehu: igra javnyh i tajnyh smyslov = Epitaphic dedications to Gumilev by fellow Acmeists: a play of explicit and secret meanings / L. G. Kihnej, A. V. Lamzina // Nauchnyj dialog. 2021. № 12. S. 256–271.

6. Lamzina A. V. Perevod N. S. Gumilevym sonetov U. Shekspira: deshifrovka biograficheskikh podtekstov = N. S. Gumilev's translation of W. Shakespeare's sonnets: deciphering biographical subtexts / Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Filologija. 2020. № 3 (66). S. 235–241.

7. Lotman Ju. M. Besedy o russkoj kulture. Byt i tradicii russkogo dvorjanstva (XVIII – nachalo XIX veka) = Talks about Russian culture. Life and traditions of the Russian nobility (XVIII - beginning of XIX century). Moskva: AST, 2020. 640 s.

8. Ljubacharskij R. V. Konceptii Karlosa Kastanedy v romane Viktora Pelevina «Tajnye vidy na goru Fudzi» = Carlos Castaneda's concepts in Victor Pelevin's novel «Secret Views of Mount Fuji» // Vestnik Rjazanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni S. A. Esenina. 2022. № 3 (76). S. 92–103.
9. Ljashenko T. M. Arhetipicheskie cherty obrazov Ol'gi i Tat'jany v romane v stihah A.S. Pushkina «Evgenij Onegin» = Archetypal features of Olga and Tatyana images in A.S. Pushkin's novel in verse «Eugene Onegin» // Filologija: nauchnye issledovanija. 2023. № 3. S. 25–33.
10. Mar'jushkina A. P. «Pushkinskij kod» v romannoj proze V. Pelevina = “Pushkin's code” in V. Pelevin's prose // Pushkinskie chtenija–2023. Hudozhestvennye strategii klassicheskoj i novoj slovesnosti: zhanr, avtor, tekst. Materialy XXVIII Mezhdunar. nauch. konf. / pod red. prof. T. V. Mal'cevoj. Sankt-Peterburg : LGU im. A. S. Pushkina, 2023. S. 67–72.
11. Pelevin V. O. Tajnye vidy na goru Fudzi = Secret Views of Mount Fuji. Moskva : Jeksmo, 2020. 416 s.
12. Pigulevskij V. O. Ironicheskie izobretenija postmoderna = Ironic inventions of Postmodernism // Ironija i vymysel: ot romantizma k postmodernizmu. Rostov-na-Donu : Izd-vo «Foliant», 2002. 418 s.
13. Pimonov V. I. Son Tat'jany kak predvestie smerti Onegina = Tatyana's dream as a premonition of Onegin's death // Izvestija Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk. Social'nye, gumanitarnye, mediko-biologicheskie nauki. 2023. T. 25. № 2 (89). S. 86–91.
14. Pimonov V. I. Chto stalos' s Oneginym? Pojetika finala pushkinskogo romana = What happened to Onegin? The poetics of the ending of Pushkin's novel // Izvestija Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk. Social'nye, gumanitarnye, mediko-biologicheskie nauki. 2022. № 85. T. 24. S. 78–83.
15. Pugacheva Ja. V. Stilevyje dominanty individual'no-avtorskogo diskursa V. Pelevina (na materiale romana «T») = Style dominants of V. Pelevin's authorial discourse (based on the novel «T») / Ja. V. Pugaeva, O. L. Janushkjavichene // Vestnik cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2022. № 3(461) S. 131–137.
16. Pushkin A. S. Evgenij Onegin. Stihotvorenija = Eugene Onegin. Poems. Moskva : Pravda, 1978. 224 s.
17. Rozin V. M. «Evgenij Onegin»: tri sposoba prochtenija i osmyslenija – ot nauki, psihologii lichnosti, filosofii iskusstva = «Eugene Onegin»: three ways of reading and comprehending - from science, personality psychology, and philosophy of art // Kul'tura i iskusstvo. 2022. № 6. S. 34–46.
18. Semenova T. A. Motiv krasoty v tvorchestve V. O. Pelevina: dialog s F. M. Dostoevskim = The motif of beauty in V. O. Pelevin's work: a dialog with F. M. Dostoevsky // Rossija v mire: problemy i perspektivy razvitija mezhdunarodnogo sotrudnichestva v gumanitarnej i social'noj sfere: materialy XVI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii (Moskva – Penza, 15–16 nojabrja 2023 g.). S. 54–64.
19. Sil'cheva A. G. Mifologicheskij topos v romanah V. Pelevina = Mythological topos in V. Pelevin's novels / A. G. Sil'cheva, E. V. Sherchalova // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2022. № 10 (36). T. 15. S. 3174–3178.
20. Smirnov A. S. «Pushkinskij („Tat'janin“) tekst» v romane V. O. Pelevina «Chisla» = «Pushkin's („Tatiana's“) text» in V. O. Pelevin's novel «Numbers» // Norma i otklonenie v literature, jazyke i kul'ture: kolektivnaja monografija. Grodno : JurSaPrint, 2021. S. 284–294.
21. Sjaotin Chzh. Viktor Pelevin i vostochnyj postmodernizm = Victor Pelevin and the Eastern postmodernism // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogičeskogo universiteta. Serija: Filologija. Teorija jazyka. Jazykovoe obrazovanie. № 45(1). 2022. S. 58–69.
22. Tulusheva E. S. Reversivnyj narrativ vyhoda iz material'nogo mira v romanah V. Pelevina «Svjshhennaja kniga oborotnja» I «Nepobedimoe solnce» = Reversible Narrative of the exit from the material world in V. Pelevin's novels «The Holy Book of the Werewolf» and «The Invincible Sun» // Rossija v mire: problemy i perspektivy razvitija mezhdunarodnogo sotrudnichestva v gumanitarnej i social'noj sfere: materialy XVI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii (Moskva – Penza, 15–16 nojabrja 2023 g.). S. 70–79.
23. Chernjak M. A. Klassika v krivom zerkale massovoj literatury. K voprosu o tendencijah russijskoj slovesnosti XXI veka = Classics in the curved mirror of mass literature. To the issue of trends in the XXI century Russian literature // StudiSlavistici. 2009. № 6 (1). S. 123–140.
24. Chumakov Ju. N. «Evgenij Onegin» A.S. Pushkina. V mire stihotvornogo romana. V pomoshh' prepodavateljam, starsheklassnikam i abiturientam = «Eugene Onegin» by A.S. Pushkin. In the world of the poetic novel. To help teachers, high school students and applicants. Moskva : Izd-vo MGU, 1999. 128 s.
25. Shams A. Dualizm hudozhestvennogo prostranstva romana Viktora Pelevina «Generation „P“» = The dualism of the artistic space in Victor Pelevin's novel Generation ‘P’ // Vestnik ChGPK im I. Ja. Jakovleva. 2021. № 4 (113). S. 48–55.
26. Sherchalova E. V. «Muzhskoe» i «zhenskoe» prostranstva v romane «Tajnye vidy na goru Fudzi» V. O. Pelevina = «Male» and 'female' spaces in V. O. Pelevin's novel «Secret Views of Mount Fuji» // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija «Filologija». 2021. № 3 (70). S. 276–284.
27. Jampol'skij M. B. Pamjat' Tiresija. Intertekstual'nost' i kinematograf = The Memory of Tiresias. Intertextuality and cinema. Moskva : RIK «Kul'tura», 1993. 464 s.

Статья поступила в редакцию 25.09.2024; одобрена после рецензирования 11.10.2024; принята к публикации 14.11.2024.

The article was submitted on 25.09.2024; approved after reviewing 11.10.2024; accepted for publication on 14.11.2024